

А. В. Медведев¹

АПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

Понятие «национализм» на протяжении последних десятилетий XX и в начале XXI века обросло многими смыслами и вызывает противоположные оценочные суждения — от пафосно-возвышенных до отрицательно-уничижительных. Сам факт повышенного внимания к содержанию данного понятия, подчас ожесточенные споры, возникающие в интеллектуальной среде и общественном сознании, весьма показательный, знаковый, свидетельствует о важности социально-исторических, социальных и культурных процессов современности. Характерная тенденция современности — глобализация — своим противоречивым содержанием и последствиями актуализирует проблематику, связанную с бытием нации, межнациональными и межэтническими отношениями как внутри стран, так и между странами.

Отечественные и зарубежные исследователи предлагают разнообразные определения, в которых в зависимости от социального контекста акцентируются различные оттенки смысла². Это разнообразие представляет собой следствие разнообразия исходных методологических принципов, философских позиций, мировоззренческих систем. Исходным, однако, для всех является понимание того, что национализм — производное от бытия нации, состояния национально-самосознания.

Немецкий просветитель Г. Лихтенберг, вспоминая Руссо, говорившего: “Ein Kind, das nur seine Eltern kennenlernt, das kennt auch diese nicht” («Дитя, которое знает лишь своих родителей, не знает даже их»), заметил: “Sehr schon und wahr” («Чрезвычайно верно и прекрасно»)³. Следует согласиться, что мысль Руссо прекрасна, а главное — верна. Эти слова были сказаны в то историческое время, которое именуют эпохой Просвещения. Это не случайное совпадение, оно свидетельствует, что именно тогда, в Новое время, когда в борьбе с феодальными экономическими, социально-политическими отношениями зарождались новые рыночные, капиталистические отношения, требовавшие более активных и многосторонних экономических связей, формировались национальные сообщества, национальное самосознание, доминантной чертой которого

был национализм. Именно тогда стали активно складываться новые формы связей между странами, этносами, государствами, что требовало не только знания и понимания «другого», но и в равной степени осознания своей индивидуальности. Ведь «чтобы жить сообща с другими, разве не следует для этого знать себя?» (К. Валишевский)⁴. Логика, заключенная в словах немецкого просветителя и польского мыслителя, выражает закон общего характера. Известны слова М. М. Бахтина о том, что общение с другой культурой есть необходимое условие познания своей. Эта мысль дублировалась неоднократно теми исследователями, которые разрабатывали проблему диалога культур, культурных коммуникаций, взаимодействия культур: «Важен принцип взаимодействия культур, который позволил бы одной культуре постичь сущность другой» (М. С. Каган, Е. Г. Хилтухина)⁵; «Насильственное разъединение душ, прекращение обмена ценностями культуры, ее смыслами обрекает на немощь и безотзывность, которые, в свою очередь, парализуют душу культуры...» (В. И. Топоров)⁶. Можно множить подобные высказывания, которые проблему взаимодействия разных «я» рассматривают с бесконечного числа ракурсов. Мы же обращаем внимание на один из них, который касается проблемы формирования личного самосознания, национальной идентичности. Чтобы знать себя, чувствовать и понимать своеобразие, уникальность своего «я» — личности, нации, нужна встреча с иным, чужим, другим. Встреча культур — необходимое пространство, та атмосфера, в которой и рождается национализм. Осмысление требует, по крайней мере, так представляется автору этих строк, стереофонического взгляда, единственный ракурс рассмотрения априори будет недостаточным, обедняющим понимание сути феномена национальности.

И. А. Ильин писал: «Каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему лечится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, шутит, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует... у каждого народа свое особое чувство права и справедливости; иной характер; иная дисциплина; иное представление о нравственном идеале, иной семейный уклад, иная церковность, иная политическая мечта, иной государственный инстинкт.

¹ Профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (Екатеринбург), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 140 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Священные книги», «Сакральное как причастность к абсолютному», «История и философия религии», «Культурология» (в соавт.), «Священные книги в истории культуры», «Библия как памятник культуры»; статей: «Поворот на Восток. Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем», «Диалог с Козьмой Прутковым о проблемах современности или о границах толерантности», «Взаимодействие культур: проблема терминологии» (в соавт.), «Искусство как форма социального эксперимента» и др.

² См., например: Науки и национализм : пер. с англ. / Б. Андерсон [и др.]. М., 2002 ; Геллер Э. Нации и национализм. М., 1991 ; Коротеева В. В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et contra. 1997. № 2 (3).

³ Lichtenberg G. Ch. Fixsterne. Der Kinderbuchverlag. Berlin, 1979. S. 42.

⁴ Валишевский К. Первые Романовы. М., 1996. С. 10.

⁵ Каган М. С., Хилтухина Е. Г. Проблема «Восток–Запад» в культурологии: взаимодействие художественных культур. М., 1994. С. 57.

⁶ Топоров В. И. Пространство культуры и встречи в нем // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. Вып. IV. С. 6.

Словом: у каждого народа иной особый душевный уклад и духовно-творческий акт»¹. Столь длинная выписка из работы отечественного мыслителя (тем более что она говорит о якобы тривиальной истине) сделана сознательно в силу двух оснований.

Первое: И. А. Ильин принадлежит к той плеяде русских философов, которые составили славу Серебряного века русской культуры. Для них вопрос о национальном своеобразии русского характера, национального духа, самобытности и уникальности русской культуры был одним из центральных. Достаточно вспомнить работу Н. О. Лосского «Характер русского народа», произведение «Русское мировоззрение» С. Л. Франка, труды Н. Бердяева и многих других. Столь пристальное внимание отечественных философов к проблеме своеобразия русской культуры, русского национального характера, того, что отличает русскую общность в единой семье человечества, — следствие конкретного исторического контекста, то есть актуализация проблематики — результат исторической необходимости.

Второе основание обусловлено подробным перечислением того, что, по мнению автора, отличает жизнь одной нации от другой. Это перечисление охватывает самые разнообразные аспекты человеческого существования — от низших уровней культуры, культуры быта, повседневности, до высших уровней культуры: искусства, правосознания, религии.

Данное обстоятельство позволяет говорить об онтологии национализма. Национализм есть характеристика бытия нации во всей его полноте, именно это и подчеркивал И. Ильин, перечисляя все, чем жизнь одного народа отличается от жизни другого. Национализм является фактом бытия человека, который впитывается самим существованием, на уровне бессознательного, ментального, он устанавливает границы «своего», определяет каждодневное бытие человека. Возникновение национальных черт, национального духа, национальной психологии, характера — процесс естественный, исторический, обусловленный самим фактом бытия.

Процесс осознания собственного бытия выражается в формировании национального самосознания, то есть национализм становится фактом духа —гносеологический уровень национализма. Здесь и возникает проблема его определения, в процессе чего в сфере духа закрепляется то, что объективно обладает бытием. Перечисляются те ценностные ориентации, которые должны быть необходимыми и достаточными для исторического бытия национального качества. Именно в этой сфере часто происходит подмена понятий, связанная с расширением первоначальных смыслов или их заменой.

Никто не отрицает, что в содержание национализма входит, например, чувство любви к своей Родине, но иногда, характеризуя национализм при помощи этого чувства, ставят ограничение этой любви: якобы она не должна содержать чувства своего превосходства и уничижительного отношения к другому. В идеологической борьбе, наоборот, подчеркивают эту «добавоч-

ную» характеристику национализма, она рассматривается как доминантная черта и, конечно, уже воспринимается исключительно в негативном аспекте. Но для обозначения подобного чувства есть собственное понятие — «шовинизм», и потому не следует смысл шовинизма рассматривать как обязательный элемент национализма.

Например, несколько странная логика В. А. Алексеевой: национализм — это неадекватная реакция этнической общности на деструктивные внешние действия, «если эти воздействия далеки от оптимума»². Странность заключается в первоначальном понимании национализма как идеи абсолютизации собственной национальной исключительности. Национализм как идея есть отражение онтологии национализма и в этом смысле не содержит абсолютизации своей исключительности, а только отражение ее, любви к ней и стремление сохранить любовь, а не исключительность, самобытность собственного бытия, стиль привычного и естественного. Но ведь любовь к «своему» и пренебрежение к «другому» суть разные чувства, при их связи, и потому смешивать их не должно.

Неясно, что кроется за «неадекватной реакцией»? Кто устанавливает ее объем? Реакция при встрече с «иным», «другим» всегда амбивалентна: узнавание «другого» и защита «своего». Что является мерой адекватности защиты границ собственного качества? Если речь идет о том, что защита становится агрессией, направленной на победу над чужим (унижение его, уничтожение и т. п.), то это уже не защита, поэтому придавать ей характер неадекватной защиты неправомерно и нелогично. Бытовая логика «Бьет — значит любит» здесь не подходит.

Другая ошибка при разговорах о национализме возникает тогда, когда пытаются национализм противопоставить патриотизму, то есть утверждается, что патриотизм — это прекрасно, а национализм — недостойно. Но патриотизм и национализм не являются парными категориями. Национализму противопоставит космополитизм (интернационализм), как патриотизму (суть которого *philos*) — шовинизм (вообще всякий *phobos*). В период сознательно насаждаемого интернационализма, что было свойственно идеологии советской эпохи, национализм стал интерпретироваться исключительно в отрицательном смысле. К сожалению, эта традиция довлеет и над современными попытками определения сущности национализма.

Забота о сохранении национального «я», проявление любви к нему, стремление защитить его границы стали интерпретироваться как неуважение к другому, то есть пониматься исключительно как враждебность по отношению к нему. Но в самой идее национального, то есть своеобразия, уникальности «своего», нет подобного негатива. Следует различать идею национализма и то, когда эту идею используют как средство для разрешения конкретных политических и других конъюнктурных проблем.

Таким образом, следует разграничивать национализм как черту онтологии нации, который существу-

¹ Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи. М., 2015. С. 160.

² Алексеева В. А. Национализм // Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. М.; Бишкек; Екатеринбург, 1996. С. 311.

ет на уровне бессознательного, ментального, и национализм как осознанное чувство. Последнее есть следствие объективно складывающихся взаимоотношений с другими, и чем больше этих других, тем активнее и богаче становятся и национализм, и национальное сознание.

Аксиологический аспект национализма представляет собой и систему ценностей, характеризующих бытийствующую сторону национального сообщества, и систему их оценки, в которой нельзя отрешиться от субъективизма, — такова природа ценности. В силу этого и возникает вопрос: национализм — это добро или зло?

Праксиологический аспект национализма означает, как в данный момент бытия он функционирует, как он влияет (определяет, детерминирует) на решение проблем повседневного и общественного бытия.

Таким образом, при определении (дефиниции) национализма необходимо учитывать (и оговаривать) тот аспект, в котором рассматривается феномен.

При анализе феномена национализма следует ввести и модус времени. Национальность с точки зрения ретроспекции — это вопрос генезиса национальности и в плане онтологии, и в плане гносеологии, праксиологии и аксиологии. Национальность, рассмотренная в аспекте прошлого, позволяет понять, когда и как за-

рождаются те ценностные ориентиры, которые составляют ядро национальности, постигнуть процесс формирования национального самосознания, которое вторично и имеет своим началом, как было уже отмечено, встречу с «другим».

Национальность, взятая в аспекте настоящего, — это вопрос ее функционирования «здесь и сейчас», анализ бытия национальности в системе современных идеологических, политических, геополитических отношений. Взятая в контексте настоящего, национальность раскрывает свой праксиологический потенциал, эффективность своего функционирования. В условиях глобализационных процессов, массовой борьбы, осуществляемой СМИ, так называемой «гибридной войны» национализм являет свою состоятельность и суверенность.

Национальность в модусе будущего — это вопрос воспитания, культивирования национализма во всех его аспектах (онтологическом, гносеологическом, аксиологическом и праксиологическом). Воспитание при этом должно быть системным и обязательным.

Пафос данной статьи — в том, чтобы очистить понятие «национализм» от тех смыслов, которые затемняют его содержание, позволяют манипулировать термином в зависимости от конкретной, прежде всего идеологической и политической, конъюнктуры.